

КОНСТИТУЦИЯ, ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

ПП № 4(47)-2014. стр. 9—17

УДК 342.76 + 342.4(470)

В. А. Лебедев

ПРАВОМЕРНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

V. A. Lebedev

LAWFUL RESTRICTIONS OF RIGHTS AND FREEDOMS OF MAN AND CITIZEN IN THE RUSSIAN FEDERATION

В статье рассматриваются правомерные ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Показана грань между правомерным ограничением прав и свобод и фактическим отрицанием. В работе обосновывается мысль о том, что ограничения должны устанавливаться законодателем не произвольно, а на основе Конституции, заложенных в ней принципов справедливости, равенства и соразмерности. Анализируются международные документы по рассматриваемому вопросу, законы РФ, постановления Конституционного Суда РФ. Приводятся примеры ограничения прав человека и гражданина в зарубежных странах. В статье делается вывод о том, что, несмотря на многообразие научных мнений, целью государства является утверждение и развитие прав и свобод человека и гражданина как ценностного приоритета, как основополагающей идеи, выраженной в Конституции Российской Федерации.

Ключевые слова: Конституция РФ, ограничения прав и свобод человека и гражданина, президент, правительство, Конституционный Суд, государство.

The article considers the lawful restriction of rights and freedoms of man and citizen of the Russian Federation. The distinction between the legal limitation of rights and freedoms and the actual denial is shown. The idea that restrictions should be imposed by lawmakers not randomly, but on the basis of the Constitution and the incorporated in the Constitution principles of equity, equality and proportionality is proved. International documents regarding the examined issue, Russian laws and decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation are analyzed. The examples of limitation of human and civil rights and freedoms in foreign countries are given. The author draws a conclusion that despite a variety of scientific views, the purpose of the state is consolidation and development of human and civil rights and freedoms as a value priority and a fundamental idea conveyed in the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, restriction of human and civil rights and freedoms, president, government, constitutional court, state.

Одним из важных достоинств российской Конституции является то, что «основные характеристики всего конституци-

онно регламентируемого пространства в целом и правовой государственности в особенности даются в ней с позиций и

9

Конституция,
государство и общество

под углом зрения прав и свобод человека и гражданина, их признания и защиты» [19, с. 374]. Это означает, что права и свободы человека определяют смысл, содержание и применение законов (ст. 18 Конституции).

Поиск оптимальных моделей взаимоотношений государства и личности всегда представлял собой сложнейшую проблему. Эти модели в решающей степени зависели от характера общества, типа собственности, уровня развития экономики, демократии, культуры, других объективных условий. Во многом они определялись также властью, законами, правящими элитами, то есть субъективными факторами, в сочетании с действующим законодательством. Эта мысль четко прослеживается в научной литературе [2; 5; 31—33; 37].

Конституция России закрепляет основные права и свободы человека и гражданина и тем самым гарантирует свободу человеческой личности. Категория свободы является «важнейшим качественным показателем зрелости всей системы общественных отношений, критерием уровня самоорганизации населения, степени демократизма государственной и общественной жизни» [1, с. 8]. Однако идеал свободной личности не означает, что поведение человека ничем не ограничивается и что он освобожден от любой ответственности перед другими людьми и обществом, поскольку реализация прав и свобод в общественной жизни сталкивается с индивидуальными и публичными интересами. Поэтому возникает необходимость разграничивать сферу прав одного человека со статусом других обладателей прав и сферой прав и интересов государства и общества в целом.

В конституционном праве РФ действует правило — ограничения прав и свобод могут быть обоснованы только самой Конституцией¹. А. В. Малько подчеркивает, что «особое место правовые ограничения занимают в конституционном праве, ибо во многом они здесь приближаются к теоретической конструкции, приобретают надотраслевые черты, конкретизируемые впоследствии в отдельных текущих законах. Эти ограничения... выступают специфическим индикатором, позволяющим определить степень свободы и защищенности личности. Имен-

¹В действующей Конституции РФ термин «ограничение» применительно к правам и свободам человека и гражданина использован семь раз (ст. 19, 23, 55, 56, 74, 79, 133). Кроме того, в некоторых статьях фактически речь идет об ограничении, хотя сам этот термин не используется (ст. 13, 20, 22, 24, 25, 29, 31).

но комплекс конкретно установленных в Конституции ограничений в наибольшей мере характеризует собой взаимоотношения между государством и человеком, представляет специфическое «лезвие бритвы» между законностью и произволом, во многом предопределяет общую концепцию Основного закона» [17, с. 97; 18, с. 57].

В международных правовых актах установлены схожие правила установления ограничений: «права не подлежат вмешательству со стороны властей, кроме случаев, установленных законом, и необходимы в демократическом обществе в интересах общественного порядка, здоровья и нравственности, для защиты прав и свобод других лиц» [37, с. 107].

В международных правовых документах используются различные термины, которыми обозначается институт ограничения прав. Термин «ограничение» используется во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. В этом основополагающем документе закреплено, что «при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, которые установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе» (п. 2 ст. 29). Аналогичный термин используется в Пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. (ст. 4), Документе Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ 1990 г. (ст. 24). В Международном пакте о гражданских и политических правах 1976 г. (ст. 4) речь идет об «отступлении от своих обязательств», а в Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. используются оба вышеназванных термина (ст. 8—11, 118, ст. 15). Из этих принципиальных положений органично вытекает требование, что какие-либо ограничения прав и свобод граждан допустимы только в том случае и в той мере, в каких они предусмотрены законодательством конкретного государства и соответствуют нормам международного права. Мировой опыт свидетельствует о том, что такого рода ограничения продиктованы интересами безопасности общества, защиты основ конституционного строя, охраны прав и законных интересов других лиц. Данные ограничения нельзя считать ущемлением свободы личности. Подлинная свобода личности возможна лишь при сочетании

интересов личности с интересами общества и государства. Европейский суд по правам человека в своей практике исходит из того, что ограничение должно быть вызвано острой общественной потребностью и подтверждено уместными и достаточными причинами, указанными органами власти [34].

Следуя ст. 29 Всеобщей декларации прав человека, Конституция РФ (ч. 3 ст. 55) вводит институт ограничения прав и свобод при наличии определенных оснований¹. Права и свободы могут ограничиваться в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. По крайней мере, ряд из этих оснований непосредственно затрагивают интересы личности: защита нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц.

Анализируя основания ограничения прав и свобод граждан, следует отметить, что сами по себе основания не вызывают сомнений, поскольку речь идет о защите прав и интересов большинства людей от злоупотреблений со стороны меньшинства или о создании необходимых условий для реализации прав и свобод. Вопрос состоит в том, что конкретно должно быть вложено в эти основания, чтобы не допустить злоупотреблений. Как бы отвечая на этот вопрос, в данной статье указываются два важных условия: 1) права могут быть ограничены только федеральным законом и 2) только в той мере, в какой это необходимо.

Упоминание о «мере, в какой это необходимо», порождает беспокойство в связи с возможностью слишком широкой трактовки этого действия, что при определенном стечении обстоятельств может послужить основой для произвола. Конституционный Суд РФ в связи с этим в ряде своих постановлений обосновал требование соблюдения соразмерности ограничений как гарантию от чрезмерных ограничений прав и свобод, выходящих за рамки необходимости.

¹ Впервые норма об общих условиях ограничения прав и свобод появилась в Декларации прав и свобод человека и гражданина, принятой Верховным Советом РСФСР 22.11.1991 г., ч. 2 ст. 2 которой гласила: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты конституционного строя, нравственности, здоровья, законных прав и интересов других людей в демократическом обществе». В апреле 1992 года данное положение было включено в Конституцию РСФСР 1978 г. (ст. 33). В ранее действовавших советских конституциях такое понятие отсутствовало.

Требуют правового разъяснения такие основания ограничения прав, как «нравственность» и «обеспечение безопасности страны». Любая степень неясности может привести к нежелательным для общества последствиям. Федеральными законами, в которых содержатся отдельные ограничения прав и свобод, обычно раскрываются понятия соответствующих направлений или форм деятельности государства («безопасность», «оборона», «оперативно-розыскная деятельность» и др.)

В юридической литературе доктрина разделения властей получила конкретизацию в форме правила «оговорки о законе», согласно которому основные права должны ограничиваться только законом, т. е. актом органа законодательной (представительной) власти. В соответствии с этим в ч. 2 ст. 55 Конституции РФ указывается, что «в Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина», что в свою очередь означает, что законы должны быть правовыми, и только верховенство таких законов и их соблюдение создают соответствующий требованиям правового государства режим законности. Как справедливо отмечает В. В. Лапаева, это значит, что они: не должны нарушать принцип равенства субъектов этих прав; не должны вводить дополнительные гарантии против злоупотребления правами, а могут лишь конкретизировать те гарантии, которые закреплены в Конституции. Основные права могут быть ограничены федеральным законом, сфера действия которого уже очерчена конституционными пределами осуществления прав, только в указанных целях и только соразмерно этим целям [9].

Однако, к сожалению, в реальной жизни распространение получило ограничение основных прав подзаконными актами (главы государств, органов исполнительной и судебной власти), но только по прямому или опосредованному поручению закона. В частности, следует обратить внимание на проблему принятия Указов Президента РФ по вопросам, которые подлежат регулированию законом. В пользу такой возможности высказываются некоторые авторы [3, с. 12—13; 19, с. 95—96]. Такая позиция не согласовывается с правовыми позициями Конституционного Суда РФ, сформулированными им в ряде постановлений (например, от 31 июля 1995 г., 30 апреля 1996 г., 30 апреля 1997 г., 9 января 1998 г., 27 января 1999 г., 1 декабря 1999 г. и 25 июня 2001 г.).

В то же время в юридической литературе существует точка зрения о том, что подобное явление нарушает разделение властей как основу конституционного строя и противоречит общим принципам права [14—16]. От этого мнения мало чем отличаются правовые позиции Конституционного Суда, сформулированные в его предыдущих постановлениях. Так, в постановлении от 14 января 1992 г. констатировалась неконституционность слияния двух федеральных ведомств (Министерства безопасности и внутренних дел РФ). Расширение компетенции Президента РФ за счет полномочий парламента в отсутствие на то конституционного предписания было признано недопустимым, учитывая, что деятельность реорганизуемых органов, будучи направленной на охрану прав граждан, связана в то же время с реальными ограничениями конституционных прав человека и гражданина.

Недопустимость регулирования основных прав актами органов исполнительной власти подтверждает практика Конституционного Суда РФ. В Постановлении от 22 ноября 2001 года отмечено, что поскольку Правительство РФ осуществляло лишь меры по обеспечению прав, «ни оно само, ни другие органы исполнительной власти не вправе устанавливать не предусмотренные федеральным законом обязанности и ограничения, ограничивающие конституционные права и свободы граждан» [25].

Конституционный Суд РФ неоднократно высказывался по этому поводу. Так, в постановлении от 23 мая 1995 г. № 4-П и ряде последующих решений Конституционный Суд указывал, что допустимые ограничения конституционных прав в соответствии с ч. 3 Конституции РФ могут быть введены законодателем только в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Право же на судебную защиту не может вступать в противоречие с данными целями и, следовательно, не подлежит ограничению. Именно поэтому право на судебную защиту отнесено согласно ч. 3 ст. 56 Конституции РФ к таким правам и свободам, которые не могут быть ограничены ни при каких обстоятельствах [27; 28; 30].

Так, в постановлении от 2 апреля 2002 года № 7-П Конституционный Суд РФ, признав не соответствующими Конституции РФ положения ст. 1 Закона Красноярского края и п. 1 ст. 2 Закона Корякского автономного округа, опре-

деляющие основания отзыва выборного должностного лица местного самоуправления,— поскольку они допускают расширительную интерпретацию и не содержат гарантий субъективной оценки деятельности соответствующих лиц, а сам перечень обстоятельств, с которыми связывается утрата доверия избирателей к этому должностному лицу как основание его отзыва, не исключает, что к таковым могут относиться не конкретные действия (бездействия), а общая негативная оценка деятельности должностного лица без ее обоснования подлежащими проверке фактами,— указал, что подобное регулирование приводит кроме прочего к нарушению права на судебную защиту. Суды, руководствуясь требованиями ст. 10, 46 и ст. 133 Конституции РФ, не должны ограничиваться констатацией того, что инициаторами отзыва были сформулированы основания для выражения недоверия, а обязаны оценивать их содержание, что оспариваемыми нормами фактически не обеспечено, и таким образом ограничиваются дискреционные полномочия судов. В определении от 6 ноября 2003 г. № 390-О Конституционный Суд РФ отметил, что применение обеспечительных мер в административном судопроизводстве, осуществляемом арбитражными судами, реализуется в рамках их дискреционных полномочий на основе принципов состязательности и равноправия сторон [21].

Мы разделяем высказанную в литературе точку зрения о том, что Конституционный Суд выработал и дал толкование принципам ограничения прав, которые позволяют защищать права и свободы граждан и в то же время позволяют законодателю применять ограничения прав в общественно значимых целях [8; 35]. К таким, на наш взгляд, следует отнести принципы:

— устанавливающие, что ограничения прав и свобод должны быть соразмерны защищаемым Конституцией и законами ценностям правового государства, должны учитывать необходимый баланс интересов человека, общества и государства [22];

— если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются адекватными, пропорциональными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей, в том числе прав и законных интересов других лиц, не имеют обратной силы и не затрагивают самого существа конституционного права, то есть не ограничивают пределы и применение основного содер-

жания соответствующих конституционных норм [23];

— при допустимости ограничений того или иного права в соответствии с конституционно одобряемыми целями государство должно использовать не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные этими целями меры [29];

— если ограничения прав и свобод адекватны социально необходимому результату: цели одной только рациональной организации деятельности органов власти не могут служить основанием для ограничения прав и свобод [24].

Думается, что ограничения прав и свобод человека могут иметь как конструктивный, так и деструктивный характер. При этом необоснованные ограничения влекут конфликт ценностей. Причем, существование острых, ценностных коллизий, как показывает текущая политическая практика, возможно не только во взаимоотношениях личности и общества. Наиболее болезненными они являются во взаимосвязи личности и государства, тогда, когда решения, принимаемые государственными чиновниками, рассматриваются носителями прав и свобод как административный произвол, направленный на сохранение государственной власти у определенного круга лиц.

В целом же существует очень тонкая грань между правомерным ограничением прав и свобод и фактическим отрицанием, т. е. своеобразным ценностным нигилизмом. В. Д. Зорькин обоснованно указывает на то, что Конституция предусматривает не умаление и отрицание прав и свобод, а именно их ограничение, т. е. законное определение конкретных границ, пределов их осуществления. Ограничения не могут посягать на само существование права. В противном случае это будет не ограничение, а умаление, уничтожение прав и свобод, что несовместимо с достоинством человека как правового существа. Ограничения должны устанавливаться законодателем не произвольно, а на основе Конституции, заложенных в ней принципов справедливости, равенства и соразмерности. Без выполнения этих условий верховенство права невозможно [4, с. 73]. Конституционный Суд РФ отметил, что Конституция РФ требует безусловного соблюдения предусмотренных ею гарантий личности и исходит из необходимости обеспечения справедливых ограничений, их соразмерности защищаемым конституционным ценностям [26].

Конечно, это не означает, что должен быть принят специальный федеральный

конституционный закон об ограничениях прав и свобод. Законодатель здесь подразумевает другое. К примеру, в целях обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя принимается конституционный федеральный закон о чрезвычайном положении, а уже в этом законе определяет ограничение прав и свобод в соответствующих условиях. Не случайно статья 56 Конституции гласит: «Чрезвычайное положение на всей территории Российской Федерации или в ее отдельных местностях может вводиться при наличии обстоятельств и в порядке, установленных федеральным конституционным законом». Итак, Конституция не устанавливает оснований введения чрезвычайного положения, а отсылает к федеральному конституционному закону (ч. 2 ст. 56).

Итак, как мы только что отметили, конституционные права могут быть ограничены и в соответствии со ст. 56 Конституции РФ (режим чрезвычайного положения). Чрезвычайное положение — вводимый в соответствии с федеральным конституционным законом на всей либо на части территории РФ особый правовой режим деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, предприятий, учреждений и организаций. Чрезвычайное положение является временной мерой и может вводиться для скорейшей нормализации обстановки, восстановления законности и правопорядка, устранения угрозы безопасности граждан и оказания им необходимой помощи.

Согласно ч. 2 ст. 56 Конституции РФ, чрезвычайное положение на всей территории Российской Федерации и в ее отдельных местностях может вводиться при наличии обстоятельств, представляющих собой реальную чрезвычайную неизбежную угрозу безопасности граждан или конституционному строю Российской Федерации, устранение которой невозможно без применения чрезвычайных мер.

Как можно заметить, режим чрезвычайного положения выступает достаточно мощным средством обеспечения конституционной законности на территории РФ. Посредством его введения возможна временная концентрация всех рычагов управления, всех принудительных средств в рамках официальной власти. В то же время Конституция и Федеральный конституционный закон предусмотрели две важные гарантии недопущения непропорционального использования режима чрезвычайного положения. Во-первых, важной гарантией выступает обязательное

согласие Совета Федерации на введение чрезвычайного положения. Во-вторых, ст. 56 Конституции РФ предусматривает важнейшие права гражданина, которые не могут быть ограничены, в том числе при режиме чрезвычайного положения. Кроме фундаментальных личных прав (право на жизнь, на достоинство и др.), не подлежит ограничению право на судебную защиту. Это означает, что многие решения федеральных органов власти могут быть оспорены в суде и в случае их незаконности — отменены, а причиненный при этом ущерб подлежит компенсации (ст. 53 Конституции РФ).

Сравнительно-правовой анализ конституций и законодательных актов зарубежных стран дает пример регламентации различных особых государственно-правовых режимов: чрезвычайное положение (Великобритания, США, Ирландия, Португалия, Испания, Дания, Швеция, Индия, Франция, Венгрия, Канада); осадное положение (Франция, Греция, Испания, Португалия); состояние войны (Италия, Франция); состояние напряженности и состояние обороны (ФРГ); состояние угрозы и исключительное положение (Испания); военное положение (Великобритания); состояние опасности войны (Швеция); состояние федерального вмешательства или федеральной интервенции (США, Аргентина, Бразилия, Мексика, Венесуэла); прямое президентское правление (Индия).

Все эти режимы — разновидности института чрезвычайного положения; как общее родовое понятие они характеризуются одними и теми же признаками: а) вводится особый режим государственного управления с усилением исполнительной власти, особенно усилением военно-административных полномочий; б) в максимальной степени повышаются ограничения прав и свобод граждан; г) широко применяются для охраны общественного порядка силовые методы (в том числе вооруженные) как главное решающее средство разрешения экстраординарных ситуаций и конфликтов. Разновидности же чрезвычайного положения детерминируются причинами его введения¹.

Известны два способа введения чрезвычайного положения — декретом главы государства или парламентским актом. В большинстве стран полномочия по введению чрезвычайного положения возло-

¹ В ч. 1 ст. 228 Конституции Республики Польша 1997 г. специально выделяются именно разновидности чрезвычайного положения: военное положение, исключительное положение, положение стихийного бедствия [7, с. 738].

жены на главу государства. В Ирландии, Испании — правом объявления чрезвычайного положения обладает правительство.

Вопрос о достаточности законных оснований для объявления чрезвычайного положения в большинстве государств решается главой государства или главой исполнительной власти единолично. Так, во Франции, согласно ст. 16 Конституции 1958 г., Президент Республики может применить свои исключительные полномочия в том случае, «когда институты Республики, целостность ее территории или выполнение ее международных обязательств оказываются под серьезной и непосредственной угрозой, нормальное функционирование конституционных государственных властей прекращено согласно закону». Формально он должен применять эти полномочия «после официальной консультации с Премьер-министром, председателями палат (парламента), а также с Конституционным советом» [6, с. 109], однако возможные возражения других высших должностных лиц государства для Президента обязательными не являются и не могут повлиять на его решение.

Ограничения прав и свобод человека существуют не только в конституционном законодательстве Российской Федерации. Аналогичные положения имеют место в законодательстве многих стран мира.

В зарубежных странах ограничения прав и свобод человека находятся под контролем суда (США, Германия), прокурора или следователя (Италия, Франция), министра внутренних дел (Великобритания).

В ФРГ Основной Закон позволяет ограничивать основные права лиц, которые злоупотребляют свободой печати, свободой преподавания, свободой собраний, тайной переписки, собственностью, правом убежища. Лишение указанного права и его объем определяются федеральным конституционным судом.

Конечная цель деятельности государства состоит в обеспечении прав и свобод человека и гражданина. Достижение этой цели неразрывно связано с обязанностью государства создавать систему защиты прав и свобод, а также устанавливать процедуры такой защиты. Это согласуется с принципиальной установкой международного права, согласно которой государство, в первую очередь, несет ответственность за осуществление всеми людьми и всеми группами людей прав человека и основных свобод на

основе полного равенства в достоинстве и правах. Согласно ч. 1 ст. 45 Конституции РФ, государство гарантирует защиту прав и свобод человека и гражданина. «Для гарантий прав человека и гражданина, — говорилось еще во Французской Декларации прав человека и гражданина (ст. 12), — необходима государственная сила, она создается в интересах всех, а не для личной пользы тех, которым она верна». Защищать права и свободы граждан призваны как Российская Федерация, так и все входящие в нее субъекты, органы государственной власти и органы местного самоуправления [10; 11; 12, с. 18; 13]. Они должны обеспечить права и свободы гражданина в границах своих полномочий присущими им способами, методами и средствами на всей территории России.

В заключение уместно привести слова А. И. Солженицына, который предостерегает: «Права человека — это очень хорошо, но как бы нам самим следить, чтобы наши права не поширились за счет прав

других? Общество необузданных прав не может устоять в испытаниях... Устойчивое общество может быть достигнуто... на сознательном самоограничении: на том, что мы всегда обязаны уступать нравственной справедливости... Человеческая же свобода включает добровольное самоограничение в пользу других. Наши обязательства всегда должны превышать предоставленную нам свободу» [36, с. 9].

Конечно, обширная проблема прав и свобод человека и гражданина, вопросы их нормативного выражения, полноты, ценностных характеристик представляют собой воистину неисчерпаемый источник не только конституционно-правовых, но и философских, а также политических дискуссий.

При этом, несмотря на многообразие научных мнений, целью является утверждение и развитие прав и свобод человека и гражданина как ценностного приоритета, как основополагающей идеи, выраженной в Конституции Российской Федерации.

References

1. Bondar' N.S. Mestnoe samoupravlenie i prava cheloveka v Rossiiskoi Federatsii [Local Government and Human Rights in the Russian Federation]. Rostov-on-Don, 1998. 382 p.
2. Voevodin L.D. Yuridicheskii status lichnosti v Rossii [Legal Status of an Individual in Russia]. Moscow. INFRA-M: Norma Publ., 1997. 304 p.
3. Dmitriev Yu., Zhuravlev A. Ukazy Prezidenta v sisteme zakonodatel'stva [Decrees of the President in the Legislation System]. *Prezident. Parlament. Pravitel'stvo*, 1998, No. 1(7).
4. Zor'kin V.D. Konstitutsionno-pravovoe razvitiye Rossii [Constitutional Legal Development of Russia]. Moscow. INFRA-M: Norma Publ., 2011. 720 p.
5. Kartashkin V.A. Prava cheloveka v mezhdunarodnom i vnutrigosudarstvennom prave [Human Rights in the International and Domestic Law]. Moscow, 1995. 135 p.
6. Maklakov V.V. Konstitutsii zarubezhnykh gosudarstv [Constitutions of Foreign Countries]. Moscow. BEK Publ., 1997. 586 p.
7. Strashun B.A. Konstitutsionnoe (gosudarstvennoe) pravo zarubezhnykh stran. T. 3. Osobennaya chast'. Strany Evropy [Constitutional (State) Law of Foreign Countries. Vol. 3. Special Part. European Countries]. Moscow. BEK Publ., 1998. 764 p.
8. Lapaeva V.V. Pravo grazhdan Rossiiskoi Federatsii na ob"edineniye v politicheskuyu partiyu: osnovaniya i predely ogranicheniya [Right of the Citizens of the Russian Federation to Form Political Parties: Reasons and Restriction Limits]. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*, 2013, No. 1, pp. 1-8.
9. Lapaeva V.V. Problema ogranicheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii (opyt doktrinal'nogo osmysleniya) [On Restrictions of Rights and Freedoms of Man and Citizen in the Constitution of the Russian Federation (Experience of Doctrinal Interpretation)]. *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2005, № 7, pp. 13-23.
10. Lebedev V.A. Ogranicheniye konstitutsionnykh prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossii [Restriction of Constitutional Rights and Freedoms of Man and Citizen in Russia]. *Problemy Rossiiskoi pravovoi sistemy*. Sochi, 2009. pp. 106-114.
11. Lebedev V.A. Ogranicheniya politicheskikh prav i svobod grazhdan v Rossiiskoi Federatsii [Restriction of Political Rights and Freedoms of the Citizens of the Russian Federation]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2004, No. 2, pp. 20-22.
12. Lebedev V.A. Ogranicheniya prav i svobod grazhdan v Rossiiskoi Federatsii [Restriction of Rights and Freedoms of the Citizens of the Russian Federation]. *Problemy prava: mezhdunarodnyi pravovoi zhurnal*, 2004, No. 1, pp. 18-25.
13. Lebedev V. A. Ogranicheniya prav i svobod grazhdan v usloviyakh chrezvychainogo polozheniya [Restriction of Human Rights and Freedoms in the context of Emergency State]. *Evropeiskii issledovatel': mezhdistsiplinarnyi nauchnyi zhurnal*, 2011, No. 1(3), pp. 96-98.

14. Luk'yanova E.A. Ukaznoe pravo kak rossiiskii politicheskii fenomen [Rule by Decree as a Russian Political Phenomenon]. *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2001, No. 10, pp. 55-67.
15. Luchin V.O. Ukaznoe pravo v Rossii [Rule by Decree in Russia]. Moscow, Veles Publ., 1996. 52 p.
16. Luchin V.O., Mazurov A.V. Ukazy Prezidenta Rossiiskoi Federatsii: osnovnyye sotsial'nye i pravovye kharakteristiki [Decrees of the President of the Russian Federation: Main Social and Legal Characteristics]. Moscow, YuNITI-DANA Publ., 2000. 303 p.
17. Mal'ko A.V. Ob ogranicheniyakh prav i svobod cheloveka i grazhdanina v proekte Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii [On Restriction of Human and Civil Rights and Freedoms in the Draft Constitution of the Russian Federation]. *Gosudarstvo i pravo*, 1993, No. 3, pp. 97-101.
18. Baitin M.I., Mordovets A.S., Mal'ko A.V. Stimuly i ogranicheniya v prave [Incentives and Restrictions in Law]. Saratov, 1994. 184 p.
19. Mityukov M. Voprosy parlamentskogo prava v resheniyakh Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii [Issues of Parliamentary Law in the Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Problemy parlamentskogo prava Rossii*, Moscow, 1996. pp. 75-100.
20. Deev N.N., Nersesyants V.S. Filosofiya prava [Philosophy of Law]. Moscow. INFRA-M: Norma Publ., 1997. 647 p.
21. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 06.10.2003 No. 390-O On Dismissal of a Request for Consideration of the Inquiry from the Council of the Krasnoyarsk Region Administration about Testing the Constitutionality, Part 3 of Article 199 of the Arbitral Procedural Code of the Russian Federation. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii*, 2004, No. 1. (In Russ.)
22. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 14.07.1998 No. 86-O In the Case of Testing the Constitutionality of Particular Provisions of the Federal Law "On Investigative Activities" on the complaint from I.G. Chernova". *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*, 1998, No. 34, Art. 4368. (In Russ.)
23. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 30.10.2003 No. 15-II In the Case of Testing the Constitutionality of Particular Provisions of the Federal Law "On Fundamental Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in a Referendum of the Citizens of the Russian Federation" following the requests of the State Duma Members on the complaint from S.A. Buntman, K.A. Katanyan and K.S. Rozhkova. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*, 2003, No. 44, Art. 4358. (In Russ.)
24. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 18.02.2000 No. 3-II In the Case of Testing the Constitutionality Item 2 of Article 5 of the Federal Law "On Prosecutor's Office of the Russian Federation" in relation to the complaint from B.A. Kekhman. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*, 2000, No. 9, Art. 1066. (In Russ.)
25. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 22.11.2001 No. 15-II In the Case of Testing the Constitutionality Item 2 of Article 16 of the Russian Federation Law "On Certification of Products and Services" in relation to the complaint from V.P. Redekop. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*, 2001, No. 50, Art. 4822. (In Russ.)
26. Decision of the Constitutional Court of 19.03.2003 No. 3-II In the Case of Testing the Constitutionality of Provisions of the Criminal Code of the Russian Federation, regulating the legal consequences of conviction of a person, repeatedness and repetition of crime, as well as items 1-8 of Resolutions of the State Duma of 26.05.2000 "On Announcement of an Amnesty owing to 55th Anniversary of the Victory in the Great Patriotic War 1941-1945" in relation to the inquiry from the Ostankino Intermunicipal (District) Court of Moscow and complaints from several citizens". *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*, 2003, No. 14, Art. 1302. (In Russ.)
27. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 28.05.1999 No. 9-II In the Case of Testing the Constitutionality Part 2 of Article 266 and Item 3, Part 1 of Article 267 of the Administrative Offences Code of the Russian Soviet Federative Socialist Republic in relation to the complaints from E.A. Arbuzova, O.B. Kolegov, A.D. Kutyrev, R.T. Nasibulin and V.I. Tkachuk. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*, 1999, No. 23, Art. 2890. (In Russ.)
28. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 29.04.1998 No. 13-II In the Case of Testing the Constitutionality Part 4 of Article 113 of the Criminal Procedure Code of the Russian Soviet Federative Socialist Republic in relation to the inquiries from the Kostomukshsky City Court of the Republic of Karelia. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*, 1998, No. 19, Article 2142. (In Russ.)
29. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 14-II In the Case of Testing the Constitutionality Part 5 of Article 97 of the Criminal Procedure Code of the Russian Soviet Federative Socialist Republic in relation to the complaints from V.V. Shelukhin. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*, 1996, No. 26, Art. 3185. (In Russ.)
30. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 21.12.2001 No. 298-O In respect of the Complaint from Vlasov A.Yu. about Violation of his Constitutional Rights Article 218 of the Criminal Procedure Code of the Russian Soviet

Federative Socialist Republic. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*, 2002, No. 9, Art. 962. (In Russ.)

31. Lukashova E.A. Prava cheloveka v istorii chelovechestva i v sovremennom mire [Human Rights in the Human History and in the Modern World]. Moscow, 1989. p. 146.

32. Savin M.S. Prava cheloveka: istoriya, teoriya, praktika [Human Rights: History, Theory and Practice]. Moscow, 1996. 303 p.

33. Kalyamin G. Prava cheloveka nakanune XXI veka. Rossiisko-amerikanskii dialog [Human Rights in the XXI c. Russian and American Dialogue]. Moscow. Progress; Kul'tura Publ., 1994. 416 p.

34. Decision of the European Court of Human Rights of 25.04.1979 "The Sunday Times" against the United Kingdom. *Evropeiskii sud po pravam cheloveka. Izbrannye resheniya*. Moscow. Norma Publ., 2000. Vol. 1. pp. 198-230.

35. Smirnov A.V. K voprosu o kriteriyakh ogranicheniya konstitutsionnykh prav i svobod: printsip kompensatsii [On the Criteria for Restriction of Constitutional Rights and Freedoms: Compensation Principle]. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*, 2010, No. 1, pp. 15-21.

36. Solzhenitsyn A.I. Kak nam obustroit' Rossiyu [How Can We Develop Russia?]. *Komsomol'skaya pravda*, 1990, September.

37. Utyashev M.M. K voprosu ob ogranichenii prav cheloveka [On Human Rights Restriction]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*, 2005, No. 1, pp. 105-114.

38. Ebzeev B.S. Konstitutsiya. Demokratiya. Prava cheloveka [Constitution. Democracy. Human Rights]. Moscow, 1992. 228 p.

ЛЕБЕДЕВ Валериан Алексеевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета (МГЮА) им. О. Е. Кутафина, Россия, 123995, Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9. E-mail: lebedev_va@bk.ru

LEBEDEV Valerian Alekseyevich, Doctor of Juridical Science, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Official within the sphere of higher professional education of the Russian Federation, Professor of Constitutional and Municipal Law Department of Moscow State Law Academy named after O. E. Kutafin, Moscow. Bld. 9., str. Sadovaya Kudrinskaya, Moscow, 123995. E-mail: lebedev_va@bk.ru

For citation: **V. A. Lebedev**. Lawful restrictions of rights and freedoms of man and citizen in the Russian Federation

Problemy prava (Issues of Law) founders journal № 4 (47). 2014. pp. 9–17.

